

Мария БУШУЕВА

ПУУШКА Школьный детектив

*Пылинка является причиной сознания,
а сознание является основой пылинки.*

Я уныло бродил по узким коридорам. Потолки давили на меня, а стены норовили сплющить.

Собственно говоря, пока не увели смартфон НТС лично у меня, вся эта уже второй год длящаяся история с кражами сотовых телефонов в нашей школе меня не загружала, наверное, просто не попадала в фокус моего заполненного до краев внимания. Но теперь я решил: лохом буду, если не докопаюсь, кто это делает! И не то чтобы мой мобильник был слишком дорогой, у большинства наших (я, конечно, об учениках, а не об учителях) гаджеты покруче, последние айфоны. Просто эйчтисишка хранит часть моего «Я» и не хочется, чтобы кто-то чужой в нем копался.

Школа частная, и это помещение когда-то принадлежало детскому саду, в который родители из спального района затаскивали перед заводским гудком своих невыспавшихся чад. Гудок, разумеется, был чисто метафорический, как говорит наша учительница литературы Ксения Ивановна, ака Собча.

Наш каземат занимает два этажа обычной серой пятиэтажки, на балконах которой, прямо над вывеской «НОУ „Гермес-Классика“», до сих пор нагло пляшут на ветру цветные гусы и вылинявшие футболки.

Помню первый день. Я только что окончил тогда четвертый класс и ничего толком не соображал, а мама, развесив уши, слушала директора школы Дмитрия Петровича (для нас — Димуля-Гвоздь или просто Димуля) и механически перелистывала страницы договора.

— Так у вас никто не матерится? — переспрашивала она. — И драк нет?

— Что вы! Что вы! — Дмитрий Петрович умильно улыбался, складывая руки на груди, словно для молитвы. — У нас тихая маленькая школа, ориентированная на классические традиции...

При этих словах мама, видимо вспомнив свою прабабушку, окончившую в 1916 году петербургскую гимназию, тут же поставила на лист договора елкоподобную подпись.

Мария Бушуева — прозаик, критик, автор нескольких книг прозы, в том числе романов «Отчий сад», «Лев, глотающий солнце», «Рудник», «Демон и Димон» («Проекции»), а также множества публикаций в периодике и в сетевых журналах («Москва», «Нева», «Знамя», «Зинзивер», «Дружба народов», «Наш современник», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Сибирские огни», «Гостиная» (США), «Алеф» (Израиль), «Литературная Америка», «Новый континент» (США), «Литературная газета», «НГ-Exlibris», «Сетевая словесность», «Плавающий мост», «Литература» и др.). Стихи переводились на французский язык. Автор монографии «„Женитьба“ Гоголя и абсурд».

И в этот миг я испуганно вздрогнул, потому что блеклую стену кабинета тряхнуло так, что на директорский стол посыпалась древняя штукатурка.

— Что это? — испуганно спросила мама, побледнев.

— Э-э-э... — Директор побледнел еще больше и выдал резиновую улыбку. — Это, наверное, рабочие в подвале... Дом, видите ли старый, школа собирается вот-вот переезжать, у нас будет свое здание...

— Свое здание? — Маму это объяснение уже готово было успокоить, но тут раздался еще один, гораздо более мощный удар, и стена оскалилась неровной трещиной.

Директор вскочил, точно ужаленный понятно куда шмелем, нелепо подпрыгнул и выбежал из кабинета. Через минуту он вернулся.

— Я же говорил — рабочие. Дом скоро должны сносить. Извините. — Он, как скунс, выпустил пахучий поток притворной вежливости. — Мы уже подбираем место для нового помещения.

— Да, да, — сказала мама, ощущая сильную тревогу, которая передавалась и мне, тихо сидевшему на стуле в углу. — Да, да, — она потеряла кончик носа. — Договор подписан...

— И может быть расторгнут не раньше, чем через три месяца!

— Да, да... Значит, завтра Сережа едет... В какое время будет микроавтобус?

— Вам позвонит водитель, — директор растянул рот в прощальной лисьей улыбке. — Или сообщит классная дама. У пятого класса это Ирина Алексеевна...

— Всего доброго, — сказала мама, видимо опять вспомнив свою прабабушку, которая прожила девяносто восемь лет и успела сообщить разницу между книксеном и реверансом. — Я надеюсь, Сережа будет хорошо учиться. — Она встала, как-то недоверчиво посмотрела на меня, тоже поднявшегося со стула, и, неловко развернувшись возле директорского стола, забрала с его тусклой полировки свой экземпляр договора, согласно которому я стал учеником частной школы «Гермес-Классика».

Оплачивала мою учебу не мама, а вполне успешная статистическая фирма моего отца: обосновался он почему-то в Китае, я его вижу дней так по пятнадцать в году.

* * *

Позавчера, то есть в тот день, когда пропал мой смартфон, наша школа ездила в археологический музей. И, как в настоящем детективе, где для развития интриги, требуется ограничение количества действующих лиц, на которых может упасть подозрение, в школе оставалось только несколько учеников и пять преподавателей, включая Димулю-Гвоздя, опять же как в классической литературе, преподающего в школе географию. Вот в какой длинной фразе мне удалось не запутаться! Я в музей не ездил.

— Ха-ха, ха-ха! География — любимая Димулина жена, а глобусы — детки.

Так прикалывается Гоша, от его идиотического смеха балдеет вся школа.

Димуля-Гвоздь в качестве подозреваемого сразу отпадает. И не из-за его интеллигентского тенорка и холостяцкой манеры одеваться: он честно имеет только два пиджака (с брюками, разумеется) — один для будней, а второй — для праздников, причем последний — оранжевый! Просто я положил рассеянно телефон на диван в холле именно потому, что Димуля-Гвоздь внезапно крикнул:

— Сергей! Ступай срочно писать контрольную по экономической географии!

Я не был в школе, когда контрольная проводилась. И сам Дмитрий Петрович зашел, разумеется, в кабинете вместе со мной в качестве строгого наблюдателя. То есть это чтобы подопечный не вздумал ловко списать ответы на вопросы из учебника.

Из холла мой смартфон и пропал.

* * *

Я пошел и сел на то же самое место. Так нужно сосредоточиться и выработать тактику сыска. И стратегию анализа и синтеза.

Внезапно мой диван как-то нервно завибрировал, загудел, раздался звук мощного удара, и прямо за спинкой дивана в стене образовалась очередная ухмыляющаяся трещина. Я уже не вздрогнул, а, как говорится, даже бровью не повел. Привык.

Это Стасик, чего уж тут вздрагивать .

— Ты что, одурел! Давай дневник! — завопила наша ярко-рыжая классная дама Ирина Алексеевна, приходившаяся какой-то дальней родственницей владелице школы Анне Иванне, которую никто из учеников никогда не видел, но о которой мы слышали постоянно. В одной французской пьесе, забыл автора и название, тоже все только говорят о герое, но он так на сцене и не появляется. Кстати, таинственной Анне Ванне принадлежал когда-то и этот диван, уже уставший вибрировать и гудеть.

— Не поедешь в Турцию в этом году со школой!

— Да на фиг мне ваша гребаная Турция! — Стасик пробурил воздух возле меня, как пушечное ядро.

Понятно, время полдника. Стасик рулит в столовую. Слова «Стасик» и «полдник», соединившись, вызвали у меня улыбку.

— Скотина наглая! — неслось ему вслед. — Вся Турция и сейчас еще тебя помнит! Бандит!

— Не поедешь! Не поедешь! — закричали четвероклашки.

— Вы — дауны, — огрызнулся, оглянувшись, Стасик, — засуньте свой сайтсинг в задницу!

— Ты сам такой, — вдруг выкрикнул проходивший мимо него двенадцатилетний Макушин. — Тебе место в...

Но где место нашему громиле, никто не узнал, потому что Стасик резко затормозил, и уже через полсекунды Макушин валялся в проходе между креслами, а Стасик, выпучив маленькие бешеные глазки, бил его ногами куда попадет. Тогда кинулся на Стасика я.

— Ерш, давай! Вмажь ему! Он нам весь отдых завонял! — кричали две подружки Саша и Варя, одна гот, а вторая сатанистка.

Для тех, кто не в теме: готы — любители всего мрачного, к примеру, Сашка считает себя вампиршей и утверждает, что обожает гулять по кладбищу. Ну, а сатанисты — это и так понятно.

Вылетели из дверей две испуганные классные дамы, как курицы, стали нас растаскивать и клевать Стасика.

А Ершом меня зовут, потому что моя фамилия — Ершов. Сергей Ершов.

— Стаса теперь выгонят, — задумчиво произнесла Варя.

— А кровь у него вкусная была, — хихикнула Саша.

— Да вы что, дурочки? — заржал мой одноклассник Илюха, — Кто может демонтировать Стасика? Чтобы задвинуть его в нашу «Гермес-Классику», его родители отвалили, наверно, полдома! За такого уроды с приводами в полицию одного вступительно-го взноса маловато. — Илюха поднял руку вверх, как Пушкин-лицеист на знаменитой картине, и торжественно продекламировал:

— О, други, наша «Классика» — теперь, увы, для Стасика!

Илья тоже оставался в школе, когда пропал телефон, но он абсолютно вне подозрений. Он — ботаник, победитель кучи олимпиад, у него в наушниках формулы,

а комп он использует исключительно как энциклопедию. Меня тоже сначала отнесли к ботаникам, но я быстро нахватал двоек, чтобы избавиться от непрестижного имиджа. К тому же, кроме учебы, книг и компьютера, у меня есть нетипичное для интеллектуалов увлечение — ВМХ. Это велосипед, более низкий, чем обычные велосипеды, созданный специально для прыжков через препятствия и всяческих других трюков на асфальте.

Он гарцует под тобой, он сливается с твоим телом, ты ощущаешь себя Кентавром, ты чувствуешь ветер и, отрываясь от Земли, паришь, паришь, паришь...

* * *

И вот, решив сначала действовать «методом тыка», я тоже спустился в столовую, где крупногабаритный Стасик дожевывал полдник, исчезающий в его глотке, точно в пасти удава. Через левый наушник Стасик слушал рэп. Второе его ухо было вполне готово к беседе.

— Стас, — сказал я, подсаживаясь к нему и улыбаясь так, словно недавней потасовки не было. — Я тут на диване в холле мобильник забыл, а пришел — его уж нет.

— Палено.

— Ты не знаешь, может, кто-то для прикола взял?

— Дебил, да?

— Это уже седьмая мобила за полтора года!

— Жесть.

Беседа зашла в тупик.

В принципе Стасик, если бы и взял телефон, то лишь для того, чтобы сбросить его в унитаз и заснять процесс. А иначе он ему к чему? Мать его ушла от его тихого, не вписавшегося в рынок отца и вышла замуж за владельца супермаркета. Стасику таких мобил, как мой, могут покупать по десять в день. Но версия, что он взял его, чтобы прикольно заснять, как сбрасывает смартфон в школьный унитаз, имеет право на существование.

Следствие есть следствие, и впишем его фамилию под номером два:

1. Илья Погодин — алиби. Правда, алиби, которое никто из настоящих следователей не взял бы в расчет, потому что оно — чисто психологическое. Илюха — абсолютно порядочный человек. И найдя мой телефон, он бы тут же мне его отдал.

2. Стас Лысенко. Мог взять для прикола.

3. Игорь Макушин. Пока информации ноль. Этот подозреваемый гораздо интересней.

Но сначала обо всех сразу. Школа наша маленькая, всего семьдесят учеников, и все классы друг с другом общаются. В этом плане частная школа очень отличается от государственной: к директору можно зайти, как к родному дяде, а первоклашки готовы виснуть на старшеклассниках, словно младшие братишки и сестренки. Правда, не на каждом повисишь! Забралась как-то одна радостная малышка на Сашку, которая вся в черепах, у нее даже заколка в волосах в форме поломанной челюсти, — забралась, и в рев. Оказалось, поцарапалась о кровавый зуб — это у Сашки такая серьга в ухе.

Но и малыши позавчера тоже отсутствовали: все до одного ездили на «Кота в сапогах» в театр, так что из подозреваемых они в полном составе автоматически исключаются. Есть еще охранник. Обычно он сидит под лестницей, ведущей в подвал, одним глазом смотрит в телевизор, а вторым иногда поглядывает на черно-белый экранчик видеонаблюдения, столь крохотный, что входная дверь на нем получается меньше план-

шета и врывающегося в нее грабителя от вбегающего Димули-Гвоздя вообще вряд ли отличишь. Площадь бывшего детского сада небольшая, и руководство остроумно придумало расширить ее за счет подвального помещения: там теперь гардероб и сушилка. Правда, потолок над лестницей, ведущей в подвал, такой низкий, что его торчащие перекладины обили каким-то тряпьем, чтобы старшеклассники и взрослые не стучались о них головами. Наверх охранник не поднимается. Ареал его обитания строго ограничен Димулей. Медсестра тетя Зоя тоже копошится внизу: ее кабинет рядом со столовой, где орудуют повара. Кстати, школа наша декларирует по инету суперпитание — особо калорийное, со всевозможными диетами для тех, кто в них по состоянию здоровья нуждается. Вранье, разумеется. Диеты существуют ровно одну неделю для новых учеников и их родителей. Потом родители успокаиваются, перестают школу проверять, а дети, радующиеся, что им не нужно есть хлеб из отрубей, овсяные каши, приправленные невыносимым тыквенным маслом, и какие-нибудь мидии, стойко молчат о происшедшей перемене в питании. Вообще, школа на всем экономит. Мы только и слышим, как возмущаются учителя: «Анна Иванна опять урезала сумму!», «Анна Иванна не дала денег!», «Мясо закупают мешком и самое дешевое!». Сосиски, наверное, тоже покупали уцененные, потому что есть их можно было только с литром кетчупа. Но после того, как Дмитрий Петрович прихватил гастрит, кетчуп у нас запретили, так что сосиски теперь никто не ест. Малыши тайно таскают хлеб из столовой и жуют, а остальные питаются в промежутках между завтраком, обедом и полдником жевательными резинками. Единственная правда, которую можно прочесть о нашей школе в Интернете, — то, что у нас очень сильная программа обучения: углубленная математика и каждый день иностранные языки. Что же до нового здания — то была сказка для моей мамы. «Гермес-Классика» и сейчас, по прошествии нескольких лет, в той же серой пятиэтажке.

— Макушин где? — спрашиваю я у Кати из седьмого класса.

— А?

— Макушин тебе не попадался?

— Не попадался Макушин.

Кстати, Катя позавчера тоже была в школе.

— У меня смартфон вот с этого вот дивана пропал, — говорю я спокойно, — не видела?

Катя если и могла взять, то только по рассеянности. Она геймерша, сдвинутая на сто восемьдесят градусов, и ходит по школе, сама с собой разговаривая. Все, что происходит вокруг, для нее — компьютерная игра.

— Не видела.

— А может, кто случайно перепутал?

— Случайно, да.

— Кто?

— Кто-то случайно перепутал.

— Ни у кого из ваших нет такого смартфона?

— Такого?

— Ну да, такого.

— Нет такого.

Все понятно. Прощайте, милая Катя. Я внесу вас в список подозреваемых только потому, что вы могли взять смартфончик, как сомнамбула, и случайно скинуть его вместе с черновиком контрольной в корзину для мусора, а вечером, после занятий, уборщица сбросила мусор, не глядя, в общий контейнер во дворе.

Итак, Стас Лысенко, Катя Ганн. И наконец — Макушин.

— Где Макушин?

- В столовой!
- Нету его там!
- В классе!
- Я только что там смотрел!
- В кабинете информатики?
- Нет!
- В туалете?
- Пусто.
- У Димули?
- Гвоздь отчалил.
- Музыкой занимается?
- Розы Михайловны нет.

Классные дамы проявляют беспокойство, если кто-то из нас выходит из дверей школы. А так часами они болтают или вяжут, помогая делать уроки, а порой и диктуя решение задачи или упражнения, — у нас полупансион, то есть мы в школе до семи вечера. И можно три часа после уроков отсутствовать, не выходя из дверей, классные не заметят.

Я вышел во двор, и охранник просигналил Ирине Алексеевне: ученик покинул помещение. Пока она отреагирует, я успею вернуться.

Со всех веток капало. На двух ржавых кольцах для баскетбола сидели вороны — по одной на каждом. Блеклые, неровно окрашенные скамейки были пусты. За мной высунулся Гоша, обожающий «звездки», то есть весь сериал Лукаса «Звездные войны» от самых первых фильмов до последних серий. В музей он не ездил, но и в школе его, разумеется, не было. Гоша не дурак, чтобы не воспользоваться случаем и не пропустить уроки.

Если в каждой частной школе страны есть хотя бы один Гоша, за будущее России можно не волноваться, потому что умом Гошу никому в жизни не понять, особенно нашим учителям, лежащим под все зарубежное! В седьмом классе Гоша читал по слогам! И никто из учителей этого не замечал! Гоша так ловко всех обманывал, что умудрялся даже по литературе иметь твердую тройку, с помощью денег в конце года превращающуюся в четверку. У него была выработана целая система хитроумного надувательства. Когда учитель его просил прочитать вслух правила, он сначала очень долго молчал, пытаясь про себя составить из слогов первую фразу, наконец это ему удавалось, и он бойко произносил фразу вслух. Обычно учитель долгой паузы не выдерживал и начинал кричать. Учителя у нас орут все. Живет школа на деньги родителей, а на детях учителя просто отводят душу! Например, наша немка Алла Евгеньевна все каникулы торчит в Германии, шпрехает потому бойко, но сильно любит выпить, я сам случайно видел, как она втихую заливала в горло коньяк в учительской, и когда у нее лютует абстинентный синдром, она просто за волосы может вытащить ученика из класса. Как-то она выбросила Гошу почти что пинком. Иногда мне кажется, что некоторые преподаватели завидуют нашим родителям, ненавидят Анну Ванну, считая себя ее рабами, а отыгрываются на нас. Ведь Анна Ванна купила школу у прежнего владельца вместе с учителями и с Димулей-Гвоздем.

...А вот в компьютере и прочей электронике Гоше просто нет равных. Японцы бы его не за волосы таскали, не из класса вышибали, а носили на руках. Еще Гоша умеет делать всяческие экстрасенсорные штучки: повышать по желанию температуру и даже давление! Когда проходит по русскому языку контрольное списывание, которого Гоше просто не осилить за сорок пять минут, обычно он возгоняет у себя температуру до тридцати девяти!

Все происходящее Гоша легко может представить в виде стратегии на тему «Звездных войн», герои которых у него везде: на рюкзаке, на обложках учебников, даже тридцатиметровая его комната в загородном доме вся оклеена изображениями магистра Йоды, Оби-Вана, Люка Скайуокера... Учительницу математики Гоша называет то генералом Гривусом, то графом Дуку, а Дмитрия Петровича держит за Дарта Вейдера. Кстати, у Гоши очень специфическое чувство юмора, которое многие принимают за глупость. Про себя он обожает говорить в третьем лице:

— У Гошки за четверть одни тройки! Гошечка молодец!

Или:

— Зачем Гоше читать? У Гоши алюминиевые акции!

Вот и сейчас Гоша мгновенно сориентировался в ситуации и, хохотнув мне прямо в ухо, сообщил:

— А Гоша знает, где Макушин!

— Где?

— Гоша не скажет! Это военная тайна.

— Догадался! Он в подвале!

— Гоша ничего не говорил! Ха-ха! Гоша молчал! Подтверди, что Гоша не выдал!

— Ты не выдал. Спи спокойно.

И я, подмигнув ему, зашел в школу и направился в подвал. Охранник просигналил классной, что она может не спускаться со второго этажа: ученик на месте.

* * *

В раннем своем детстве каждое лето я жил на старой даче. Скрипел деревянный пол, тихо вторили ему ступени покосившейся деревянной лестницы, а перила были все в дырочках — их проделали древесные жучки. По вечерам тени скапливались в углах, и мне казалось, что из-за старого потемневшего комода выйдет Медведь-НА-Липовой-Ноге. Скрып-скрып-скрып.

Я жалею тех детей, которые растут в современных коттеджах с кондиционерами, сауной в подвале и оранжереях на мансарде, заменившей старинные чердаки. Они никогда не найдут в пыльной чердачной темноте заржавевшую пишущую машинку своей прабабушки-журналистки, или потертый портфель с пожелтевшими письмами, или переписанное на тетрадном желтом листке в клеточку чье-то стихотворение:

Из шума, из гама и свиста
вдруг ночью вольется в окно
звучание песенки чистой
о том, что забылось давно,
о том, что умчалось и скрылось,
как лента из детской косы,
забылось, как будто разбилось,
как бабушкины часы.
И самые тайные страны
на карте души подпоют.
А самые старые раны
откликнутся и оживут.

А еще у нас на старой даче был подвал.

И в этом подвале было так страшно, что стоило деду попросить меня принести оттуда какие-нибудь инструменты, я начинал плакать и прятался в саду, в том самом,

тенистом и лепечущем, точно в девятнадцатом веке. Подвал, черный, лохматый, хромой, преследовал меня в моих снах, я убегал от него, а он догонял, пытаюсь накинуть на мою голову сеть своего гнилого дыхания, я начинал задыхаться, и, поминутно оглядываясь, быстро кидал в него серыми камнями картофеля, ведро с которым почему-то все время оказывалось со мной рядом, и когда мне удавалось попасть в догоняющего, различив в черной немоте сна глухой звук удара, он сразу отступал, медленно проваливаясь в городской люк...

И спускаясь в школьный подвал, я ловлю в своей душе туманное облачко детских слез.

Охранник оглянулся и зевнул, провожая меня взглядом. Давно пора охранников, продавцов и кассиров заменить на роботов, в этих профессиях человеческий фактор только мешает. Их эмоции прилипают ко мне. Вот и сейчас на моей спине распласталось его ленивое удивление, которое, прежде чем отпасть, должно засохнуть и потерять стебель связи с охранниковым сознанием.

Слева гардероб. Ряды непрочных крючков, Стасик иногда играючи их сбивает от скуки. Тогда наша русичка ака Собча называет его Соловьем-Разбойником. Справа — сушилка. То есть скопление переплетенных труб, на которые вешают мокрую верхнюю одежду. После обеда мы гуляем, зимой валяемся в снегу, кидаемся снежками и прочее, прочее, прочее.

А вот за сушилкой начинается та часть подвала, куда ученикам «Классики» вход строго запрещен. Там темные комнаты, частью заполненные дворничьим инвентарем, частью непонятно чем. Туда-то я и направляюсь.

Для отвода глаз я громко протопал сначала в гардероб, а потом уже очень тихо, крадучись, свернул в сушилку и пролез мимо жарко дыхнувших на меня труб. Говорят, здесь в одном из глухих помещений кто-то из учеников, кажется Глеб из шестого класса — симпатичный такой, робкий парнишка, — видел привидение. Сам я считаю привидения порождением воспаленного воображения, но почти все наши теперь в подвал ходить опасаются.

Задумавшись, я чуть не впечатался лбом в закрытую темную дверь, на которой, слегка отступив назад, с трудом разглядел белый лист бумаги с надписью крупными печатными буквами: ПУУШКА.

* * *

Толкнул дверь, и она открылась.

Серебристо светился экран планшета, и в полумраке можно было различить подобие стола, сложенного из картонных коробок, в которых привозят в школу банки зеленого горошка и ГМО-кукурузы. В углу валялись рюкзак и куртка, а за самодельным столом сидел Макушин.

— ПУУШКА — это что значит, Игорек? — сразу поинтересовался я, войдя. — Почему с двумя «У»?

— Ерш, ты вошел в штаб тайного общества по свержению власти, — Макушин был серьезен, даже мрачен. — Тебе доверять можно, ты наш. Расшифровывается так: Полное Уничтожение Учителей Школы «Гермес-Классика». Только «гэ» от «Гермеса» не вошло.

— Сам придумал?

— А кто еще!

— Будешь свергать Димулю?

— Всех!

— И как ты собираешься это делать ?

- Детали плана не раскрываются.
- А кто, кроме тебя, в твоём тайном обществе?
- Глеб.
- Вместе с привидением?
- Издеваешься? — Макушин рассердился. — Зато учителя сюда не заглядывают.

Они суеверные. И Стас тоже.

- А ты не боишься?
- Не-е-т.

Мы помолчали.

- У меня смартфон пропал, — сказал я. — Помнишь НТС?
- Э-э-э...
- Ещё у Собчи точно такой же.
- У Собчи?

И тут я подумал, что Макушин мог просто перепутать и решить, что он забирает мобильный у представителя вражеского лагеря. Так сказать, один из пунктов его плана: лишение врагов собственности.

- Не видел.
- Ты же должен делать уроки сейчас, а здесь сидишь.
- Так надо.
- Маму вызовут в школу!
- Уже.
- А, понятно, тебе уже все равно.

— Ничего тебе не понятно! Мое пребывание здесь входит в программу борьбы с учителями! Я их так достаю. Да и вообще, — он в полутьме улыбнулся, — здесь мой штаб, и мне здесь хорошо.

Мы помолчали.

- А ты знаешь, что меня всегда Стас бьет? — вдруг спросил он тихо.
- Что значит «всегда»?
- Ну, каждый день... — Он шмыгнул носом, но сдержал слезы. — Он бьет меня головой о стену, а иногда и Варька-сатанистка ему помогает... И многие учителя знают, но — молчат.
- Почему?!

— Боятся, наверное. Они ведь и убить случайно могут. — Он вздохнул и прибавил — Я даже подумываю Стасикину грубую силу использовать как силу орков, направив ее на учителей. Но пока еще этот метод до конца не разработан.

И тут экран планшета, виновато мигнув, погас. Мы остались в полной темноте. Надо сказать, я по своей природе не из храбрецов и потому сразу ощутил себя неуютно. Макушин побегал пальцами по экранчику, но он упорно не загорался.

- Зарядка кончилась, — сказал грустно.
- И что теперь?

— Придется идти наверх, здесь нет розетки. — Макушин, сопя и пыхтя, как Винни-Пух, выбрался из-за своего самодельного стола. И в этот миг я отчетливо услышал тихий надтреснутый кашель, раздавшийся за его спиной в совершенной темноте.

— Слышал? Кто-то кашлянул? — Я напряженно прислушивался к звукам, идущим из глубины подвала. Мне показалось, что я различаю тяжелые тихие шаги.

- Это привидение. Не бойся.

— А... где оно?

— В соседней комнате. Там досок и коробок много. Оно там иногда отдыхает, — Макушин опять вздохнул и на ощупь нашел рюкзак.

— Отдыхает?

— Ну да. Туда ведь никто не заходит, только Ирина Алексеевна один раз была, когда меня искала. Пойдем.

Наши голоса дружески соприкасались в темноте, а две пары ног, каждая в своем отдельном мраке, осторожно пристраивали один к другому перепутанные и неровные обрывки дороги. Мне показалось, прошло очень много времени, пока щель света из гардероба не засветилась впереди.

— И она видела привидение?

— Нет... А то бы она Димуле сразу его сдала. Она так довольно нормальная и лицом как артистка, но все Гвоздю рассказывает.

Мы пробрались через сушилку, которая дышала жарко и напряженно, точно древний дракон, зачем-то притворившийся старыми трубами центрального отопления, и полоска света, все расширяясь, наконец превратилась в квадрат гардероба, словно из кусочков тьмы неожиданно сложился яркий свет.

— Если ты захочешь, Ерш, — сказал Макушин, расставаясь со мной возле лестницы, ведущей на второй этаж, где располагались классы, — я приму тебя в ПУУШКУ.

— Спасибо. — Я был тронут его доверием.

— Приходи сюда завтра в то же время.

У Макушина в семье проблемы: отец его поставил на свою сорокалетнюю жену штрихкод «бракованный товар» и ушел к восемнадцатилетней эскортнице, приехавшей в столицу завоевывать подиум.

* * *

Сидя вечером за своим компьютером и изучая материал о сибирских шаманах, чтобы послать на конкурс работу по истории, я постоянно возвращался в мыслях к школьному привидению. Путешествие шамана — это полет по психической реальности, размышляя я, а психическая реальность — такой же мир, как наш, только обладающий другими свойствами и не для всех видимый и не всеми осязаемый, так не оттуда ли — из нашей психики, на какое-то мгновение вытеснив своей сгустившейся энергией невидимую энергию предметов объективного мира, приходят и привидения?

Я встал из-за компа совершенно вымотанный, точно он выпил из меня всю мою жизненную силу, как вампир. Нет, так дело не пойдет. Если начинаешь подчинять свое сознание законам только психической, а не физической реальности, возникает искажение восприятия и разом попадаешь в мифологический мир — с вампирами, драконами, привидениями и прочим. Я нажал стоп-кран. Вернусь к следствию. Сначала проясню все обстоятельства с подозреваемыми, это сейчас важнее, а потом уже... А потом схожу к Макушину в подвал.

Лохматый, черный, на кривых ногах. Неприятное воспоминание о детских кошмарах горчило на моем языке. Я вытащил себя из кресла, прошел в ванную комнату и прополоскал рот. Психическое и физическое, как дыхание и воздух. Как человек и его тень.

Надо пойти покататься. Мы пойдем с конем по полю вдвоем...

Он гарцует под тобой, он сливается с твоим телом, ты ощущаешь себя Кентавром, ты чувствуешь ветер и, отрываясь от Земли, паришь, паришь, паришь...

* * *

— У-убивают! Спасите! — Услышал я голос Гоши, который уже через минуту скатился с лестницы к моим ногам. Это абстинентно взвинченная Алла Евгеньевна опять выбросила его из класса.

— Так и спину сломать недолго! Жив?

— Е-два! Е-четыре!

Гоша обожает играть в электронные шахматы. И на деревянной доске обыграть его пока никому не удавалось.

Я помог ему подняться и прошел в небольшой актовый зал. Там стояло неновое пианино, тоже, возможно, когда-то принадлежавшее владелице школы, и Роза Михайловна, ака Рэми, наша учительница музыки, по средам и пятницам занималась со своими учениками.

Учеников у нее трое: Макушин, Лиза из третьего класса, вечно испуганная девочка с голубыми глазами, и Артем, девятиклассник, который, отрастив длинные волосы и сделав на руку татуировку, осваивал гитару.

— Роза Михайловна, извините, Артема не видели?

— Он занимается.

— Можно я зайду к нему на секунду?

— Конечно, Сережа.

Роза Михайловна — хорошая, мягкая женщина. Не стукачка, как рыжеволосая Ирина Алексеевна, и не скандалистка, как взрывоопасная Алла Евгеньевна. Таких добрых учителей у нас всего двое: Роза Михайловна и Татьяна Ивановна, преподаватель биологии, четвертый месяц болеющая воспалением легких.

Но Рэми очень боится потерять работу, и ее вынужденная философия — обойди зло стороной, а не борись с ним. Я могу признать, что в этой позиции заключается величайшая мудрость: в конце концов, зло должно самоуничтожиться, а добро сохраниться и приумножиться. Но эта мудрость — как геометрия Лобачевского: где-то там, за пределами видимости, параллельные прямые все-таки сходятся. А если сейчас, здесь и конкретно по Евклиду: как можно одинаково ровно относиться и к бестормозному громиле Стасику, и к неловкому толстячку Макушину?

* * *

Итак, вот мой список:

1. Илья Погодин, психологическое алиби. Единственное — мог просто по-дружески пошутить. Но давно бы вернул.

2. Стас Лысенко, если взял, то скинул в унитаз.

3. Катя Ганн, если взяла, то по рассеянности и случайно выбросила в мусорный контейнер.

4. Игорь Макушин, если взял, то чтобы отомстить Собче, поскольку у нас с ней одинаковые телефоны. И все-таки вряд ли. Он бы мне признался.

И теперь:

5. Артем Кулушев. Если и взял, то из личной ненависти ко мне.

Да, Артем Кулушев меня ненавидит. Он стопроцентно токсичный чел: это не случайные вспышки, а постоянный ледяной огонь ненависти, восплаивший два года назад, когда девочка из нашего класса предпочла меня и отшила его, а он с нее тащился. Она давно перешла в другую школу. И все было с ней у нас совершенно по-детски: один поцелуй на старых качелях и затерявшееся в метели ее снежное признание...

Вот сейчас я слышу, как гнусно звучит его гитара, и понимаю: в душе, в которой поселилась ненависть, нет места музыке. Кто бы смог это Артему объяснить?

Я открываю дверь, и он, побледнев, смотрит на меня.

— Ты не видел мой мобильный? — тупо спрашиваю я с порога, потому что стена ненависти не дает мне зайти. — НТС? Пропал позавчера с дивана в холле!

- Вали отсюда, — он перестает брэнчать.
- То есть отсюда, — язвительно поправляю я. Его ненависть на миг превращает нас в сообщающиеся сосуды. Нет, я отношусь к нему терпимо, с усилием вспоминаю я. Это его ненависть, а не моя. Сосуды отсоединяются.
- Извини, — я уже хочу закрыть дверь, но он внезапно вскакивает и, бросив на стул гитару, орет:
- Мне не нужно твое дерьмо, понял?! Понял?! Ты...
- Дальше опустим. В нашей «Гермес-Классике», если верить Димуле, никто не использует нецензурную лексику!
- Я проношу через актовЫй зал, поймав затылком сочувствующий взгляд Розы Михайловны.

* * *

Ночь, завтра в школу, а я не сплю. Буду потом ползать взглядом по учебникам и тетрадям, как сонная муха. А не сплю я потому, что переживаю из-за шаткости своих версий: все они — эгоистические, то есть касаются только и лично меня. А ведь телефоны пропадают в школе уже второй год. То есть пропажа моего смартфона не случайный единичный факт, а одно из звеньев долгой цепочки. Значит все версии необходимо подвергнуть сомнению.

Итак, первое: мобильники пропадают потому, что кто-то ворует их целенаправленно с целью перепродажи (или просто ради пополнения своей коллекции). И мой смартфон исчез по той же причине и в тех же руках, может быть в руках обычного клептомана. Второе: все прежние смартфоны пропадали по одной причине, а мой — по другой. Кражи (или потери) не связаны между собой. Это чистое совпадение.

Для второй версии годятся те гипотезы, что я высказал раньше, а вот для первой, пожалуй, ни одна из кандидатур не подходит. Даже Артем с его гордыней. Он психопат, он... Так останавлиюсь. Еще не хватало переходить на ругательства.

В соседней комнате спит мама. Вчера она плакала из-за того, что в горшке на окне засохла роза: ее лепестки жевал наш кот Чат. Это я его так назвал, потому что он, еще будучи котенком, очень много мурлыкал. А вырос губителем растений — сначала сгрыз маленькую пальму, теперь розу.

Потом мама перестала плакать и сказала, что над засохшим кустиком еще витает живая аура и нужно срочно купить другую розу, и тогда витающая аура засохшей розы сольется с аурой нового цветка и передаст ему свою память, как бы накинув на нее плащ своего образа, а значит, старая роза снова сможет ожить и расцвести... Предлагаю, что бы сказал Димуля-Гвоздь, услышав такие поэтические рассуждения моей мамы. Для него и шаманизм — бред, и душа — миф....

* * *

— У нас в школе произошло очередное ЧП, — возвещает Димуля-Гвоздь на линейке. Все семьдесят учеников выстроены по прямоугольнику актового зала. — У Сергея Ершова пропал сотовый телефон! Какой ученик мог совершить такое безобразие? Кто-нибудь что-нибудь может сказать по этому поводу?

Никто ничего никто ничего никто ничего.

За окном капает и капает.

— Ха-ха! Я смогу!

— И что ты можешь сказать, Гоша?

- Этот постыдный факт роняет ваш личный авторитет!
- И я могу!
- В таком же роде да, Макушин? — Димуля-Гвоздь красен и зол.
- Я могу... могу... почему, Дмитрий Петрович, вы только учеников подозреваете?!
- Может, Макушин, это я ворую телефоны! — взвизгивает Димуля.
- Ха-ха! — Гоша хлопает в ладоши. — Почему вы? Привидение!

Хохот и топот.

- Замолчи, Георгий! — Димуля зловеще прищуривается.
- Ха-ха! А вот и не замолчу! Не заткнете рот магистру Йоде!
- Я думаю, Дмитрий Петрович, это делает Макушин, — вдруг раздается голос Артема Кулушева. — Помните, он три года назад у вас из кабинета украл мобильный!
- Это был мой смартфон с кроликом! Мой!!! — Макушин срывается с места и выбегает из зала. Я знаю, он будет плакать в подвале, там, где находится штаб его тайного общества ПУУШКА.

Молчание.

* * *

Историю с кабинетом директора я хорошо помню. Даже тогда записал ее.

Был у Макушина в смартфоне кролик. Он его кормил, укладывал спать, водил в туалет и так далее. Макушин, конечно же, носил с собой смартфон в школу. И вот как-то захотел его кролик морковки прямо на уроке у Аллы Евгеньевны.

Макушин кролика покормил. Электронный кролик пискнул, Алла Евгеньевна услышала его писк. Она схватила смартфон, раскричалась, как бешеная, и бегом помчалась к Димуле. А Димуля-Гвоздь положил смартфон Макушина на стол, закрыл кабинет и уехал.

Было уже семь вечера, все собирались домой. Большинство уезжает на школьных маршрутках, а Макушина возит пожилой водитель, бывший военный. Не мог Макушин оставить кролика одного в директорском кабинете, потому он открыл дверь без разрешения (ключ торчал в замке), взял со стола Димули свой смартфон и уехал домой.

Старый вояка-водитель терпеливо ждал, пока поделившийся с ним своей бедой Макушин вызовет кролика из плена.

А на завтра началась!

Собрали линейку, Макушина Ирина Алексеевна с криком «Ворам не место в нашей „Гермес-Классике“!» вытолкнула на середину зала, Димуля стал орать, что зовет полицию и поставит Макушина на учет.

— Ты открыл кабинет директора! — бился в припадке он. — Ты совершил преступление!

— Но кролик бы умер, — сказал Макушин тихо. — Там программа стоит такая.

— И чтобы твой кролик не содох, ты дверь взломал! — Димуля подпрыгнул к нему и захохотал, как Мефистофель.

— Ха-ха, ха-ха! Дмитрий Сергеевич! Всеми мы немножко кролики! У меня в шесть лет был тамагочи, я тоже его кормил! — тут же возликовал Гоша, который вообще любит участвовать в главных событиях школы, но считает ниже своего достоинства помнить отчество Дарта Вейдера. — И вы самый большой тамагочи нашей «Классики»!

— Замолчи, Скворцов! — Ирина Алексеевна ткнула его кулаком в бок. — Тот, кто покрывает воров, сам виновен! И не Сергеевич, а Дмитрий Петрович!

Вызвали маму Макушина. Она поговорила о чем-то с Димулей при закрытых дверях. И до полиции дело не дошло.

Вот такая история. Димулю-Гвоздя и Аллу Евгеньевну Макушин возненавидел, а вот Ирину Алексеевну почему-то простил: возможно, проклевывающийся в нем мужчина пленился ее пламенными волосами...

Когда я напомнил Илюхе про ту давнюю линейку, он высказался весьма саркастически: «Все сплошная пошлость, Ерш, примитивность и пошлость: Димуля одинок, герлы у него нет, вот он и хранит в своем директорском столе фотки полуголых девушек, а Игорек их мог запросто обнаружить».

— Откуда ты знаешь? — удивился я.

— С охранником как-то разглядывали. Он сказал, что взял в кабинете у директора.

* * *

Итак, подозреваемые из учителей:

1. Димуля-Гвоздь. У него полное алиби. И вообще, вы, наверное, решили, что он — злодей? Ерунда! По мне, так он — напичканный штампами о педагогике классический учитель из «Кондуита и Швамбрании». Была такая книжка, если вы помните. Мне мой дед ее подарил. И полицией, думаю, Гвоздь потому пугал Макушина, что сам с детства очень боится хулиганов: Димуля астенического телосложения, били его, наверное, дворовые пацаны-бугаи и красивый велосипед отбирали. В общем-то, он весьма образованный человек и географию свою знает так, что если выбросить его с самолета в любой точке Земли, он найдет дорогу обратно в нашу школу по памяти... «Ха-ха. К своей жене — географии и деткам — глобусам!» — сказал бы Гоша. «И к своим дорогим фоткам», — усмехнулся бы скептик Илья. «И к Ирине Алексеевне, которая вьется вокруг него, как повилика», — добавлю я.

2. Ирина Алексеевна, ярко-рыжая курочка. Она первая узнала от меня о пропаже телефона и помогала мне его искать. Девочки ее просто обожают. Она всегда вяжет, когда делает с ними уроки (в частных школах обычно уроки делают не дома, а в школе с классными дамами или воспитателями). И всем она всегда подскажет, что и как написать. Гоше так Ирина Алексеевна просто диктует решения. А русский раньше диктовала ему прямо по слогам. Учителя потом на него орали и требовали у его родителей дополнительных денег на оплату репетиторства! Интересная система, верно? Иногда мне кажется, что система эта тщательно продумана Димулей-Гвоздем, чтобы «подкармливать» учителей: плохая подготовка уроков — двойки — репетиторство. Димуля в некотором роде Макиавелли! Но кандидатура Ирины Алексеевны кажется мне сомнительной: интриги — это одно, а кража — совсем другое.

3. Татьяна Владимировна, математичка. Она обожает рассказывать занимательные истории из жизни великих математиков. А еще больше обожает измышлять над детьми, Илья говорит, что от этого она просто отрывается, как наркоман от травки.

— Ты — тупой, Гоша! Посмотри на свою морду в зеркало! — иногда издевательски чеканит Татьяна Владимировна.

— Ха-ха! А как же я тогда занял первое место по шахматам?

— Ты играл с идиотами!

— Ха-ха! Вы обижаете магистра Йоду, граф Дуку! И оплатите за это!

— Давай дневник!

— Зачем?

— Напишу твоим родителям!

— А я им скажу, что вы называете меня тупым!

— Я получаю копейки! И вынуждена терпеть таких, как ты!

— Откуда же у вас джип?

— Вон из класса!

— Ха-ха! Спасибо, спасибо! Этого Гоше и хотелось!

Могла ли Татьяна Владимировна взять смартфон? Вряд ли. Приезжает она и в самом деле на джипе. И телефоны меняет очень часто. Как только появляется новая модель, она уже у нее. И вообще, я ее понял: она в чем-то как мой папаша: все у нее должно быть престижно и круто. И поскольку у нее на мобильном юмор для дебилов, который сейчас в моде, она и на уроках ведет себя соответствующе: ученики думают, что она издевается, а Татьяна Владимировна считает, что она просто современная, и мило прикалывается.

4. Алла Евгеньевна. Могла оказаться в ауте, а выпить надо. И все-таки — сомнительно. Она же не вокзальная алкоголичка.

5. Роза Михайловна не способна взять чужое.

Остальные учителя уезжали в музей и в театр.

Следствие в очередной раз заходит в тупик. Нет ни зацепок, ни намеков. Это в книжных детективах обязательно есть какие-нибудь факты, сопоставив которые и проверив, можно выйти на решение головоломки. В моем случае нет ничего. Я никого не видел. Я ничего не слышал. Все, кто был в школе, кроме Димули, могли в тот час, когда я писал контрольную, подойти к дивану и взять забытый там мобильный телефон. Холмса из меня не получается. Кажется, все.

* * *

— Ха-ха, все ищешь?

— Ищу, Гошка.

— Твои методы, ха-ха, никуда не годятся! Надо попробовать парапсихологию!

— Как?

— Сядь в мягкое кресло, закрой глаза и следи, какие картинки, ха-ха, возникают на твоём мысленном экране. Только делать это нужно в одиночестве.

— Дома попробую.

— Ха-ха, попробуй! А ты знаешь про психологическое зондирование, так называлась методика по обнаружению ложных показаний и считыванию подсознания?

— Нет.

— Человека сажали перед компом, и он должен был нажимать четыре кнопки в определенном порядке, ха-ха, одновременно отвечая на вопросы экспериментатора... Вот бы наших учителей туда! Ха-ха! Такие сволочи, верно?

— Не все.

— Ха-ха, присосались пиявки к деньгам наших родителей! И нас ненавидят! Ты обращал внимание, ха-ха, что на доске почета только дети учителей, а они учатся бесплатно. А нам нужно место на этой досочке по-ку-пать! Ха-ха! Вампиры!

— Не все.

— Не все, не все, Оби-Ван! Магистр Йода согласен с тобой. И он дает тебе совет: обратиться за помощью в тайное общество ПУУШКА!

— Ты знаешь?

— Гоша все знает, ха-ха, только про Гошу никто ничего не знает! Гоша изобретает считыватель памяти! И скоро будет способен выудить из подсознания любого человека любую информацию!

Он ликовал, на его длинном носатом лице плясали блики солнечного света и колыхались тени веток, еще не покрытых листвой.

— Как прибор будет называться?

— Меморикэтч. Ловец памяти. А что ? Ха-ха! Недурно?

Надо сказать, что английский Гоша знает лучше русского: многие компьютерные игры родители привозят ему из Америки. И он в них все понимает.

— Когда мой прибор будет готов, мы вернем все пропавшие телефоны и начнем исправлять человечество!

* * *

— Нужно пойти другим путем, Ерш, — говорит серьезно Макушин, — надо проверить, у кого смартфон не пропадал.

— Не пойдет. Украли семь. А всего учеников семьдесят и пятнадцать учителей.

— Не пойдет, — грустно соглашается он.

Мы сидим в подвале.

Вчера вечером в темной комнате, забравшись в мягкое кресло с ногами и закрыв глаза, я не смог ничего увидеть, кроме коробок с наклейками «Зеленый горошек». И потому утром решил последовать Гошиному совету и обратиться за помощью к председателю тайного общества ПУУШКА. Я понимал, что в настоящем детективе так не делается: как можно идти за решением задачи к тому, кто находится в списке подозреваемых. Но интуиция мне подсказывала: Макушин никогда не возьмет чужое, потому что он очень гордый и у него светлая душа.

Это для нашего Димули-Гвоздя душа — миф, потому что он невидящий. А я ощущаю, что даже в моем компе, если я долго с ним взаимодействую, начинает образовываться какая-то загадочная информационная ячейка, которая реагирует на меня и на мое настроение и которую можно назвать компьютерной душой.

Тихий стук в дверь: сначала три раза быстро, потом три раза с более долгими интервалами.

— Это Глеб. У нас выработана целая система защиты и предупреждения, — Макушин гордо улыбается.

В отличие от Гоши, Глеб читает быстрее всех в их классе и очень любит книги. Он сам сочиняет стихи и рассказы. Раньше Глеб учился в другой частной школе, загородной, в ней во время уроков внезапно начался пожар, падали горящие балки, плавилась пластиковые панели, лопались стекла. Глеб пережил сильный стресс и теперь немного заикается.

— Ерш за нас, — отвечает Макушин на его вопросительный взгляд. Тень рюкзака, прячущегося у Глеба за спиной, чуть шевельнувшись, мгновенно вырастает на стене.

— И мы должны ему помочь. У него пропал смартфон. А он его любил. Понял?

— Угу, — кивает Глеб, тревожно озираясь.

— Чего ты? — Макушин при свете телефонного фонарика кажется гораздо взрослее. — Что-то изменилось в нашем штабе?

— Это вон откуда?

Я смотрю, куда указывает рука Глеба, и различаю в углу метлу, лопату, то есть дворничий инвентарь.

— Вчера этого не было.

— Ерунда. Просто ставили с той стороны гардероба.

— Понятно.

Мы молчим.

Как может Макушин сидеть в подвале один, с удивлением думаю я, сыро, неудобно, темные углы, паутина, кажется, что действительно сейчас из черноты появится привидение.

И только я успеваю так подумать, из-за стены раздаётся глуховатое покашливание.

— Он опять здесь, — говорит Макушин спокойно.

— Кто?

— Это привидение, — поясняет Глеб, чуть споткнувшись на звуке «п». — я сейчас туда схожу, спрошу, может, оно голодное. — Он снимает со стены горб рюкзака, и гигантская тень его руки что-то ищет в его открытом жерле.

— Булку он будет?

— Спроси.

По коже моей бежит озноб, точно у меня поднялась температура. Но никакого страха я не чувствую. Только удивление.

— А привидения едят? — спрашиваю небрежно.

— Едят, — отвечает Макушин спокойно.

— Никогда такого не знал!

— Душам умерших ведь оставляют еду и питье, — поясняет Глеб, протискиваясь в темный угол, из которого выйдет дверь в следующее подвальное помещение. Мне начинает казаться, что все это — сон. Детский сон, в котором мохнатый черный и хромой все-таки догнал меня!

— Меня сегодня опять Стасик бил, — наклонившись ко мне, шепотом говорит Макушин, — вместе с Варькой-сатанисткой. Прямо о стену учительской.

— И никто не услышал?

— Никто.

* * *

— Ты почему бьешь Макушина?

— Он мне не нравится.

— А мне ты не нравишься. От тебя пасет.

— Нарываешься? — Стасик еще вполне добродушен.

— Ты бьешь его со скуки!

— Ну если и так — что? Тебя-то почему это гребёт? Тебя же, Ерш, мы не трогаем!

Я обратил внимание, как легко он заменил «я» на «мы».

Драться с ними не имеет смысла: азартное развлечение для них, травмы для меня и никакого результата. Я секунду подумал. Нужно бить деньгами! Время диктует правила игры!

— А ты в курсе, что отец Макушина собирается делать перерасчет?

— Не понял.

— Ну, высчитывать с твоих родителей деньги за пропущенные Макушиным уроки. Я говорил намеренно тихим голосом.

— Потому что Макушин сказал ему, что не ходит в класс из-за того, что ты его бьешь. А сколько стоит один пропущенный день, ты в курсе? Посчитай и прикинь. И кстати, отец у него крутой перец, а главное — нервоуз драйвер! В общем, такой же бешеный, как ты.

Лучший метод внушить мерзавцу страх — напугать его же собственным отражением.

— Где Макушин?! Его опять нет?! — точно по написанному мной сценарию, вдруг закричала, пробегая по коридору, Ирина Алексеевна. — Макушина не видели?!

Она остановилась возле нас, и я заметил, что Стасик побледнел.

Я-то помню, как однажды Стасик пришел в бассейн с расписанной неровными красными полосками спиной: это отчим отлупцевал его за пропажу денег.

— Ты че, — сказал Стасик, переваливаясь с ноги на ногу и сплевывая, — я хорошо к Макушину отношусь. Так... баловался...

* * *

— Ха-ха! А теперь давай айфон вору подкинем, а к нему леску прозрачную привяжем... Он только его начнет засовывать в карман, крючок — раз! — его за штаны! Тебе не кажется, Ерш, что Гоша гений?

— Кажется, кажется, только человек может взять телефон именно для того, чтобы найти его владельца и чтобы телефон как раз не достался вору.

— Гоша понял. Ошибочка вышла с планом. Ха-ха.

* * *

Я бесцельно мотался по узким коридорчикам школы. Француженка заболела, и у нас оказалось окно. Делать заранее уроки не хотелось. И я решил выйти на улицу.

Охранник с пластырем на лице выпустил меня, но встал в дверях. В общем-то, и он мог зачем-то заходить в учительскую, чтобы кому-то из учителей что-то передать, и тут-то и увидеть беспризорный мобильник. Если бы телефон не пропал еще во время уроков, я бы мог вполне решить, что он обнаружил его вечером, точно так же, как фотки голых девушек в столе Димули! Впрочем, охранник мог и приврать...

Нет, не сходится, я вздохнул, а потом перепрыгнул через низкую скамейку сначала в одну сторону, а потом в обратную, семь украденных смартфонов — это уже система, а не случайность. Думаю, охранник тут совершенно ни при чем. Кто еще был внизу в тот день? Медсестра? Кажется, она уезжала за медикаментами. Повара были... Впишем и поваров. Хотя трудно представить вора в поварском колпаке, крадущегося по второму этажу! Ерунда. Впрочем, как того требует следствие, внесу их тоже в список. И медсестру. И, разумеется, охранника. Последним.

Версий нет. Следствие опять буксует. А в этот момент кто-то насмешливо нажимает кнопки моего любимого смартфона! Атас!

Я еще раз перепрыгнул через скамейку туда и обратно. Для бээмикса (BMX) сейчас во дворе грязно. Для молнии аналитической мысли (insight) сейчас в голове сонно. Вспомнил! Мне опять снилось, как в детстве, что за мной гонится лохматый, черный, хромой подвал. Я бежал от него, иногда в страхе оглядываясь и замечая, что он все ближе, терял силы, а он, наоборот, прибавлял скорость, и его хромые ноги гремели, как железные гусеницы, наконец я ощутил его сырое дыхание на своей спине, между лопаток, и понял: он сейчас поглотит меня, меня не будет, нужно заставить себя оглянуться. Мне потребовалось во сне огромное усилие, чтобы развернуть свое каменеющее от страха тело, я сделал это, точно огромный каменный истукан, развернулся, и подвал уже в двух шагах от меня, не успев затормозить, резко впечатался в поддрагивающий щит моих закрывающих лицо ладоней. Я не почувствовал боли удара, а только жуткий страх, что если сейчас я не пройду его насквозь, переступив через его холодный щербатый порог, он все-таки поглотит меня. И преодолевая страх, поднимая тяжелые, как ковши экскаватора, словно чужие ноги, я через порог переступил и, сразу ощутив спасительную легкость, начал быстро спускаться по каменным ступеням все ниже, пока не очутился в комнате, темной и почему-то кривой, я знал во сне, что именно через нее мне нужно пройти, и тогда черный хромой подвал навсегда покинет меня. Но знал также, что в этой кривой комнате спрятано что-то или, может быть, даже прячется кто-то, и потому был настроже. Я шел медленно, как по льду, освещаемому мутным кругом луны. И хотя настоящий источник освещения никак не определялся, имен-

но благодаря ему я продвигался достаточно ловко между какими-то старыми досками, тряпками, в которых отвратительно утопали ноги, и поломанными пыльными вещами, предназначение которых было давно утрачено, а вид изменился до неузнаваемости.

В дальнем углу я увидел желтоватую стрелу света, словно выпавшую из колчана забрезжившего рассвета, и тут же понял: стоит мне пройти через нее, подвал навсегда отпустит мою память. Где-то на заднем плане моего сна из высокого коричневого кувшина поплыл на пол белый туман. Я вспомнил, что этот кувшин стоял в дачном буфете и моя бабушка всегда наливала из него молоко.

И вдруг из того же дальнего угла, где все ярче светилась желтая стрела, бесшумно появилась худая высокая тень. Сделав два-три шага по направлению ко мне, она остановилась.

«Если я струшу — погибну» — так подумал я во сне и тоже сделал несколько шагов навстречу тени. Она становилась все отчетливее и, когда я приблизился, стала узнаваемой: это была тень моего родного деда! Я замер от неожиданности, а тень медленно развернулась и проскользнула через вертикальную стрелу света. И когда я сделал то же, повторив полукруг ее движения, свет залил меня, как целебный душ! Тень деда исчезла, а я почувствовал, что спасен.

* * *

После уроков ко мне подбежала Лиза из третьего класса. Когда я смотрю в ее худенькое голубоглазое личико, меня всегда охватывает нежность. Была бы у меня такая младшая сестренка, я бы водил ее в кино и кормил разноцветным мороженым. Хотя чем ярче краски карамели, мороженого, мармелада и жевательных резинок, тем, наверное, они вреднее для здоровья.

Я кормил бы ее обыкновенным белым пломбиром.

— Ерш, Ерш, — шепотом затараторила она, — ты ищешь смартфон. А он у Артема! Я сама сегодня видела, у него два телефона, один твой. Они на парте лежат! Пока!

И ее худенькие ножки тут же запрыгали по ступенькам лестницы.

Телефон — у Артема?!

Поиск и роль следователя внезапно повернули мой интерес к криминальной психологии. Мне стали любопытны не столько мотивы кражи (присвоение чужой собственности с целью перепродажи или владения), сколько варианты самооправданий того, кто на этот путь вступил. Ведь чтобы взять чужое, нужно это себе позволить. А для того, чтобы позволить, нужно:

— или вообще считать, что кража — ерунда, сначала один владеет, потом второй, какая разница, и в краже как таковой ничего нет дурного, и никакого самооправдания она не требует;

— или считать, что кража как частный вид обмана — показатель ловкости и хитрости: кто ловчее, тот и прихватил;

— или считать, что кража — это наказание того, кто сам ворует (как в старом гениальном фильме «Берегись автомобиля», у нас дома целая коллекция советских фильмов);

— или кража может быть выражением презрения к миру или уничижительного отношения к владельцу какой-либо собственности (я могу взять все, что захочу, поскольку я выше во всех отношениях).

Пожалуй, последнее весьма подходит к Артему.

На перемене я спустился вниз к кабинету директора и проверил расписание уроков. Класс Артема сейчас в кабинете физики.

Как посмотреть, мой ли у Артема мобильный, я не знал совершенно. Лиза сказала, что оба телефона лежат на его столе. Значит, нужно за чем-то зайти в класс. Их там всего четверо: Артем, Стасик, Саша и Варька-сатанистка. Самый маленький и самый отстойный класс в нашей школе. Одни оторвы, как говорит медсестра тетя Зоя. И прибавляет: «Скоро Варька от Стаса родит, то-то Дмитрий Петрович попляшет!»

Я приоткрыл дверь и заглянул в кабинет физики... Первое, что я увидел, — ледяная насмешливая улыбка Артема, а второе — мой собственный смартфон или его абсолютный близнец, лежащий рядом с учебниками на столе. Я автоматически сделал несколько шагов вперед, рука рефлекторно потянулась к телефону, и тут же мой взгляд запутался в презрительном прищуре Артема.

— Не трожь, ублюдок! Не твое! — Артем криво улыбался. Я с трудом освободил свой взгляд от острых крючков его узких зрачков.

— Похож на мой, — проговорил я, уже понимая, что совершаю какую-то жуткую ошибку.

— На твой?! Ты хочешь сказать, что я вор?! Стас, ко мне!

Глыбой метеорита Стасик тут же упал на меня сзади, сдавив пудовыми руками мою шею. Я начал задыхаться, пытаюсь сбросить его мощную тушу. А от парты, сжимая в бледных пальцах корпус смартфона, медленно, как тигр, надвигался на меня белый от ненависти Артем. И только мне удалось освободиться из медвежьих объятий Стасика, он ударил меня внезапно и хладнокровно под ребра, потом еще раз — в скулу, и, сгибаясь от острой боли, я услышал, как вбежавшая Варька хрипло захохотала:

— Поймался придурок на твою приманку! А теперь верни мне мобилу! А то мать хватится!

И в этот миг Стасик и Артем бросились на меня вдвоем.

...Я все-таки вырвался и почти ползком, цепляясь за стены, добрался до подвала. Охранник спал с открытым ртом возле мигающего телевизионного экрана. Мне захотелось спрятаться в темном гроте его рта — и эта мысль, несмотря на пульсирующую боль, рассмешила меня.

Осторожно миновав охранника, протиснулся, окутанный жаром, в промежуток между стеной и переплетенными, как ноги великана, толстыми трубами, на которых сушились чьи-то джинсы и куртка, прошел через полупустую темную комнату и, держась одной рукой за освещенный коридорной лампой косяк, постучал в прячущуюся во мраке дверь условным стуком: три раза быстро и три раза с перерывами. Ответа не было. Я старше Макушина на три года, а Глеба и вообще почти на четыре. Но сейчас здесь я ишу у них спасения. Где же они? Блин! Конечно! Как я не сообразил? Идут уроки!

На лбу у меня выступил пот. Пол покачивался под ногами. На лестнице, под которой спал охранник, раздались быстрые шаги. Неужели идут добивать? Надо прятаться!

Я быстро и тихо отворил дверь и ступил в полную темноту.

В этой подвальной комнате я уже неплохо ориентировался: стол, сложенный из коробок, справа в углу дворницкий инвентарь, а за коробками, нагроможденными за столом Макушина, вход в следующее помещение. Я старался ступать как можно бесшумнее и прислонился к стене, прислушиваясь. Голова болела, и по всему телу эхом отдавалось ее тяжелое гудение.

В гардеробе слышались голоса. Мне показалось, что я различаю хриплый Варькин смех. Нужно было уходить глубже в подвал, и я, споткнувшись о какие-то невидимые предметы, похожие на обломки кирпичей, толкнул дверь, которая пряталась за картонной горой.

Дверь оказалась закрытой.

Ощущая себя мышью в мышеловке, я еще раз подергал железную ручку — и от неожиданности замер: с той стороны, из неведомой мне глубины подвала раздался четкий звук снимаемого с петли крючка. Дверь стала медленно приоткрываться. Я застыл на пороге, не в силах сдвинуть с места ставшие ватными ноги. Но мои мысли о маленьком шуплом Глебе, который не боится входить один в этот сплошной мрак, и о Макушине, спокойно сидящем за своим заговорщицким столом в полном одиночестве, устыдили меня и придали мне решимость.

Может быть, это кто-то из них?

В этом помещении не было света вовсе. Шел я медленно, вытягивая вперед руки и пробуя пол ногами, прежде чем сделать очередной шаг. Я понимал, что если кто-то открыл мне дверь, он здесь, во мраке подвала. Но отступить было некуда. Это уж точно.

— Так ты не Глеб? — вдруг услышал я тихий старческий голос.

— Н-нет.

— А кто? Дворник?

— Я — Ерш, Сергей Ершов, друг Макушина и Глеба, а за мной гонятся враги.

Произнесенная фраза мне самому показалась какой-то детской, точно она прозвучала во сне, в котором я — совсем еще маленький мальчик, убегаю от черного и хромого. Но голос отреагировал на них вполне серьезно:

— Иди прямо, совершенно прямо, там будет дверь, открой задвижку и окажешься на улице.

— А вы?

— Я останусь здесь.

— А кто вы?

— Привидение, мой друг.

На миг я почувствовал себя героем мистического триллера.

— Почему я тогда не вижу вас?

— Я — тень историка Николая Андреевича Кузьмина. Как ты можешь увидеть тень в темноте? Иди.

Помещение было довольно просторным и, по моим ощущениям, полупустым. Медленно и тихо я пересек его, старясь ступать перпендикулярно к двери, в которую недавно вошел. Я двигался почти бесшумно, и мое невидимое скольжение вдруг вызвало во мне гордое воспоминание о моем прадеде-военном, который был разведчиком во время Второй мировой войны, был ранен, получил много наград.

Вскоре я уперся в стену, в ее правой стороне мои холодные ладони нащупали деревянную дверь и железную задвижку, легко поддавшуюся дрожащим пальцам. Выдвигая заржавевший болт, я оглянулся, и мои глаза различили в зеве подвальной комнаты высокий худой силуэт.

Дверь выходила в полуколодец, пахнувший кошачьими метками и замусоренный обертками от шоколада, пластиковыми бутылками и перьями голубей.

— Спасибо! — Я произнес это, выходя, и мой голос вернулся ко мне тут же из темноты, точно кругляш йо-йо.

Закрыв дверь, поднялся по ступеням, перемахнул через закрытую калитку и уже с той стороны через клетчатую рабицу ограды бросил взгляд на территорию школы. И мне показалась, что я покидаю ее навсегда.

Через час я был уже дома. Дошел пешком.

— Тебя привезли раньше? Заболел? Температура? — заволновалась мама. Но увидев кровавые ссадины и синяки на лице, все поняла. — Слава богу, — сказала она с грустной улыбкой. — Слава богу, что все обошлось.

* * *

Два дня просидел я дома, пытаюсь найти в нашей большой домашней библиотеке хоть что-то о привидениях, и на одной из книжных полок наткнулся на книгу «Духи и медиумы». В ней изложена была история, происшедшая с неким бароном в его парижской квартире поздно вечером. «Маясь бессонницей, барон читал при свечах, и вдруг «его взгляд привлек один из углов комнаты, где образовалось нечто похожее на тусклый столб сероватого и слегка светящегося пара. Постепенно столб стал увеличиваться и дошел до потолка. Изменился и его цвет: он стал синим — такой цвет образуется при горении спирта. Столб стал приобретать человеческий облик, и очертания фигуры делались все определеннее. Образовалась фигура старика. Одет он был в длинный белый жилет и черный сюртук, при этом опирался на тяжелую белую трость. Через несколько минут фигура, почему-то не вызвавшая у барона никакого страха, приблизилась к нему, подняла руку в знак приветствия и слегка поклонилась. Потом призрак как бы пошел по кругу, то направляясь к барону, то отдаляясь от него... Вернувшись, призрак последний раз подошел к камину и постепенно стал терять свои очертания, а затем и совсем исчез. Утром барон узнал, что это привидение являлось не только ему: это был призрак бывшего хозяина дома...»

Еще в одной из книг я нашел странную мысль, что привидения появляются в атмосфере, создающейся вокруг человека, ощущающего себя несчастным, — и сразу подумал о Макушине и пережившем стресс Глебе. Пишут, что атмосфера страдания привлекает духа и вновь пробуждает его собственные былые мучения.

За окном бубнил какой-то грязно-серый дождь. Нет, прыгать на бээмиксе все-таки еще рано. А как бы хотелось! Когда летишь на нем, точно на коне, твоя душа не верит ни в каких призраков!

Я убрал книги обратно на нижнюю полку.

* * *

— Спасибо тебе, Ерш, — Глеб радостно улыбался, — Стас от Макушина отстал! Он его даже в дверь теперь пропускает! Ты — сила! Это он тебя испугался!

— Не меня, — честно объяснил я, — а Макушиного отца. Мне пришлось возвести на него поклеп, что он очень жадный и нервный тип. Ты это запомни, Игорек, не перепутай!

Макушин засмеялся.

— Только я, деятели-конспираторы, собираюсь уйти из нашей школы...

— Почему?! — Макушин поднял на меня серые большие глаза.

— Да потому. — Я пожал плечами. — Ты ведь и сам, Игорь, хотел подорвать «Гермес» вместе с учителями, а также Стасом, Артемом и Варькой-сатанисткой.

— Я передумал.

— Передумал? Тебе что, стали учителя нравиться? Или Стас перестал бить, так ты тут же и школу полюбил?

— Нет, не потому, — Макушин поморгал растерянно, — просто мы еще не победили... И если мы уйдем, привидение останется в подвале одно. И с голоду умрет.

— Я уже заходил к нему, — сказал Глеб, чуть споткнувшись на звуке «з», — но он спал... Сейчас снова схожу.

Он встал, пробрался за груды коробок, шурша о них плотными джинсами, открыл дверь и скрылся в темноте.

— Ерш, — начал Макушин очень серьезно, — ты стал полноправным членом нашей тайной организации ПУУШКА, ты спас меня от врагов, я тебе дам прочитать наш устав, и если ты согласишься с его пунктами, мы посвятим тебя во все наши тайны и раскроем способ, которым мы собираемся осуществить наш план...

— А я решил, ты вообще передумал их уничтожать! Тем более у кого из них дети малые, у кого внуки... Может, пожалеешь?

— А они нас жалеют? Я не передумал, просто способ изобрел совершенно другой. Ладно уж, раскрою его! Только тебе! Ты ведь примешь наш устав?

— Я же его еще не читал!

— Пока... — Макушин неловко поежился, — устав еще не дописан до конца. Завтра или послезавтра будет.

— А какой прежний способ полного уничтожения учителей?

— Разумеется, бомба.

— У! Мрачно! Террор — это всегда лишние и случайные жертвы. Я категорически против.

— Вот и мы так с Глебом решили. Нам... нам посоветовали переменить методы борьбы.

Я тут же догадался, кто был главным советчиком тайного общества ПУУШКА. Конечно же, оно, привидение!

— И теперь я разрабатываю новую программу! — Макушин нагнулся и достал из-под картонного стола книгу. — Вот!

— «Основы внушения», — прочитал я..

— Неделю назад сам купил в книжном. Мама дала денег на новую игру, а я книгу купил. Это посильнее бомбы. Зови меня теперь «Мак», звучит как «маг», верно? Я теперь буду учителей ИЗМЕНЯТЬ силой внушения.

— В лучшую сторону разумеется, — улыбнулся я.

— А то!

— Пусть вообще вместо учителей в школах будут роботы, очень много лишних эмоций. Причем чаще — отрицательных.

— Нет, Ерш, учитель должен быть живой, понимаешь? Как раз сейчас они как био-роботы. Гоша правильно говорит: во многих взрослых программа заложена испорченная, они ее навязывают нам: ешьте, детки, конфеты «Красная Шапочка» — будьте волками. А мыло какое делают? В виде миленьких котят и оленят: переводите, детки, весь живой мир на мыло! А стихи какие для малышек сочиняют: «Зубы острые в самое сердце вонзает и кровь из нее выпивает»!

— Ну, это про паука, — улыбнулся я.

— Они и нас, детей, представляют только монстрами! — Макушин был настроен сурово и нахмурился в ответ на мою улыбку. — Мальчишки, по их мнению, должны ненавидеть учиться, обожать драться и сдвигаться на компьютерных стрелялках!

— Да и девочкам достается.

— А знаешь, какими учителя станут после моего внушения?

— Какими?

— Им станет стыдно, и они станут нас любить.

И когда он это сказал, точно теплая волна муравьишек пробежала у меня по коже. — А вот и Глеб! — воскликнул я, чтобы скрыть прилив неожиданной чувствительности.

Глеб выскочил из-за коробок, подняв вверх правую руку, в которой... в которой...

— Твой?! Это твой?!

— Дай посмотреть, — я боялся второй раз ошибиться. — Там у моего царापина в левом углу.

Мы все трое наклонились ближе к фонарику, изучая принесенный Глебом телефон. Это был МОЙ смартфон!

— Где ты взял? — спросил Макушин шепотом.

— Он отдал, — Глеб счастливо улыбался, показывая крупные кроличьи зубы. — Скажем Ершу?

— Хорошо. — Макушин сурово нахмурился, как полководец, собирающийся открыть секретную часть важного плана. — Разрешаю.

— Это не привидение, — заговорил Глеб быстро и взволнованно, — это старик Николай Андреевич из соседнего дома, бывший учитель истории, он жил один, а к нему внук переехал со своей девушкой, вот они деда и погнали из дома.

— Сексом мешал заниматься, — Макушин сморщился, точно от лимона.

— Теперь он почти всегда ночует у нас в подвале, а мы ему еду носим из столовой... И вот вчера, когда мы уже ушли, Николай Андреевич встал, чтобы закрыть за нами дверь на крючок, но не сразу встал, он чувствовал себя неважно, а где-то через полчаса... — На звуке «п» Глеб слегка споткнулся. — И вдруг он услышал тихие шаги.

— Шаги со стороны гардероба? — Макушин постукивал по картонной коробке ручкой.

— Да. И он стал ждать, что произойдет дальше. Кто-то прошел мимо сушилки и вошел сюда, в наш штаб, и что-то спрятал в одну из коробок из-под горошка, которые как раз напротив двери. Николай Андреевич увидел только, что силуэт женщины.

— Женщины? — Макушин поднял голову и уставился на Глеба.

— И это еще не все! Женщину вскоре позвали, наверное, из коридора охранник: Ирина... — Глеб сделал паузу, точно собирается нырять, — Ирина Алексеевна!

— Гонишь! — Макушин привскочил и снова сел.

— В лоб дам, — устало проговорил Глеб, споткнувшись на звуке «д». — Николай Андреевич слышит так же хорошо, как мы, и у него прекрасная память!

— А она у меня была в списке «БМ», — Макушин уныло вздохнул.

— Это что значит?

— «Более-менее нормальные учителя».

— Не печалься, Мак, — сказал я, — ошибки бывают даже у вождей! А уж если вспомнить тайные общества, тут вообще одни трагедии! Взять, к примеру, декабристов!

— Она просто очень хитренькая, — сказал Глеб грустно, — я вспомнил: у нее какой-то френд торгует на радиорынке электронной аппаратурой...

— Откуда ты знаешь? — представив свой смартфон в чужих, почему-то волосатых руках, я брезгливо поморщился.

— Она мне предлагала мой заглочивший планшет исправить, говорила — отдаст другу, и он отремонтирует...

— Что будем делать, Ерш? — Макушин уже опять был собран и серьезен, как руководитель подполья.

— А ничего, — я беспечно помахал над их головами своим смартфоном, — сегодня или завтра она придет сюда забирать телефон и сначала обнаружит, что его уже здесь нет, а потом увидит его у меня и...

— И что? — спросили оба.

— И сразу уйдет в другую школу!

Я оказался совершенно прав.

Сам я все-таки тогда не ушел из «Гермес-Классики». После летних каникул Артема родители перевели в дорогой загородный пансион. В целях оздоровления. Или для большей крутизны. Стасик остался без теоретической поддержки, что весьма ослабило его практическую агрессию.